

Иногда живу, чаще - пишу.

Анастасия Лиене ПРИЕДНИЕЦЕ

ДЫМ НАД ГОРЯЧИМ ПЕПЛОМ

* * *

иногда мне снится, что ты ещё умираешь
(если есть хоть что-то схожее с искрой жизни
даже если это дым над горячим пеплом
значит есть надежда ведь правда что есть надежда?)

я иду по улице, перекопанному тротуару
я иду по своему прошлому — и понимаю
что-то случилось и я стал совсем другой
но ты по-прежнему ждёшь меня на большом перекрёстке

я вижу твою вывеску, давно ли она зажигалась
ты не знаешь — у меня был старый, очень старый любовник
сорок пятого года выпуска. он говорил
«когда-то здесь было кафе, а потом закрылось»
я вижу твой номер, твой странный двойной номер
говорят, угловым зданиям часто дают такие

твой лифт сегодня работает, но я на нём не поеду
как-то раз я застрял и, знаешь ли, испугался
не то чтобы я злопамятен — просто нынешний я
предпочитаю стабильность и безопасность
смятению чувств и прочим взрывам эмоций

у меня есть твой ключ, мне совсем не важно откуда
то есть, это естественно — ключ от родного дома
я иду на пятый этаж, мне темно и прохладно
довоенные здания славятся толстыми стенами
персонально ты уже славись надписями на них
но ещё впускаешь в себя не только своих арендаторов
но и глупых подростков с красками из другого квартала
две кнопки кода уже отлично затёрты

я открываю дверь от своей квартиры
мне нужно успеть побыть с тобою, пока
старая женщина не придёт со своей работы
не шваркнет туфли под вешалку и не начнёт
причитывать, как её задолбала эта работа
как её достала начальница, утомили коллеги
и какой невыносимо некачественный и негодный

какой ненужный семейству отдельно я
не то чтобы нынешний я не могу ей ответить
я могу ей ответить, потому-то и тороплюсь

у тебя уже нет горячей воды, а холодная течёт с перебоями
старая электропроводка не тянет бойлер и калорифер
идиотский выбор — помыться или согреться
я глажу твои обои, пытаюсь вспомнить
кто же их красил — и что это был за цвет
я поднимаю обе руки — и подпрыгиваю
но всё равно не дотягиваюсь до потолка
довоенные здания славятся высокими потолками
персонально ты уже славись потёками на побелке

пора. я закрываю двери квартиры
вспоминаю, что если закрыть замок изнутри
на три оборота — то его нельзя отпереть снаружи
впрочем, даже если семейство останется за порогом
это будет всё-таки слишком близко
а я, как уже говорил, люблю безопасность

я знаю, кто встретит меня на улице у подъезда
поэтому не удивляюсь — и не замедляю шаг
настоящая девочка красит волосы в белый
настоящая девочка носит юбки и шпильки
настоящая девочка умеет быть пошлой и нежной
настоящая девочка знает, что муж не бывает неправым
настоящая девочка зачем-то бежит за мной

говорит: «я круче тебя — я тебя поимела»
оборачиваюсь
«я любил тебя», — говорю
мне не нужен ответ — потому я его не слышу

* * *

ты был мне светом небесным, ты был мне ветром весенним
я чувствовала тебя — за правым моим плечом
а теперь я не знаю, где ты
не знаю, кто ты

я стою у окна и не вижу стоянку, не вижу большие сосны
не вижу осеннее небо и здание техподдержки
я помню, что я худая пацанка с черной короткой стрижкой
с ключом на шее, который ничего здесь не отпирает

я вижу светловолосую и круглощекую
девушку с длинными косами. без ключа
она прислоняется лбом к моему лбу
и возражает:

*но ты остаешься в прохладных северных водах, в печальных чайчьих криках
в стройных мачтовых соснах и желтых липах*

сегодня ночью я видела тот гостиничный номер
и как ты сушишь волосы полотенцем
выйдя не то из моря, не то из душа
мокрые кончики вьются крупными кольцами
я разбираю тонкие влажные прядки
они обвивают мне пальцы
вьюнком
плющом

спрашиваю зачем-то: я тебя потеряла?
и отвечаю правду: да. я потеряла тебя

девушка с длинными косами прижимает ладони к моим ладоням
(кто из нас источает стеклянный холод?)
и говорит:

*но ты остаешься в памяти и печали
в сказаниях наших тенистых, в журчащих дайнах
в вышитых пламенеющих письменах*

и кто-то третий, кого я почти не вижу
разве что на совсем неудачных фото
женщина с тяжелым усталым лицом
выглядящая на все свои болезни и беды
никому из меня ни словом не возражая
вынимает (себя?) из окна
отводит (себя?) от окна
и садится на лестницу, обнимая (меня?) за плечи

я вижу
как водопад настоящего
соединяет реку прошлого с морем будущего
как тростник прорастает пляж, где мы прежде сидели
как большая чайка, запрокинув голову в тучи
то меня, то тебя кричит на крыше разрушенного ресторана

я поднимаюсь с лестницы
отряхиваю одежду

говору:

а теперь я буду идти домой без тебя
есть без тебя
спать без тебя
жить без тебя

* * *

я просыпаюсь по будильнику в новый август
пред-увядание мира давно меня не пугает
оно синхронно исподволь гаснущему огню
внутри меня самого, и это не страшно

я смирился, что я — такая себе бутылка Клейна
наполненная смыслами, которым нет хода наружу
меня таким сделали, и я очень мало могу исправить
мои создатели поплатились за это
один очень долго, нехорошо и болезненно умирал
другой глядит на меня — и не понимает
как это думает, действует и принимает решения
я не прикладывал к этому свою руку
и чувствую значительно больше сожаления, чем злорадства

я становлюсь под душ — спиной к большому зеркалу
на зеркале собирается пар — и стекает. каплями
техника безопасности, выработанная для меня лично
гласит: в некоторых состояниях лучше не смотреть на воду
и уж тем более — на своё отражение

призрак былой надежды занимает меня слишком сильно и больно
часть меня говорит, что если я уважаю себя
то лучше бы мне разразиться всем арсеналом воздействий
и закатать противника в грунт. надёжно и прочно
часть меня возражает, что чувства — отдельно, а человек — отдельно
и стоит сначала целиком прожить эти чувства
а потом — решить, кто кому виновен и сколько раз
я говорю себе: это мой гнев, это моя любовь
единые и неделимые — во мне, едином и неделимом
и нужно ли мне вот это? сейчас? за такую цену?

я одеваюсь — наощупь. причёсываюсь — наощупь
после беру камеру и делаю фотографию
на меня смотрит знакомый мне человек
с собранным лицом — и очень усталым и грустным взглядом
спать не меньше восьми часов, — говорю себе

есть не меньше пяти раз в день

* * *

однажды ты воспользуешься моим приглашением
которое я сначала не имела сил отозвать
а потом и вовсе забыла, пустив ситуацию на самотёк
а потом в мире случилось слишком много всего
чтобы помнить о какой-то любви и какой-то крохотной смерти
(нескольких квадратных сантиметров собственной кожи
да и то — после приступов аллергии на теле шрамов не остаётся
то ли дело — душа и приступы недоверия)

ты подумашь: хорошо, что я не потратил этот контакт
да, мы стали общаться реже и как-то... натянуто
но, по крайней мере, всё, что она сказала, —
«извини, но теперь, когда ты пронзил в себе этнос и гражданина
я вынуждена закладываться на то
что мне прилетит от тебя просто так. ни за что
мне тяжело, и я не могу общаться с тобой, как прежде»
тебе было очень обидно
но

ты не мог не признать, что чувствуешь уважение
за то, что я не вижу в тебе агрессора и оккупанта
(я видела на редкость задолбанного человека
которого пора останавливать. можно ударом в голову
но тогда во мне было уже достаточно —
специфического принятия и очень, очень недоброго милосердия)

ты напишешь — сейчас, когда страны, некогда бывшие нашими
подписали договор о заключении мира
и наконец-то начали разгребать последствия и поднимать города из руин
и разрешили пускать друг к другу бывших военных корреспондентов
я хочу приехать, ведь я обещал тому городу
который видел только во сне и на старых картинках
я рад, что ни те, кто были когда-то нашими
ни те, кто когда-то были противниками
не стали его разрушать. и... что от прошлого в принципе что-то осталось
я пожму плечами — и отвечу коротко: приезжай

ты увидишь меня в окошко старого дизеля
в неизменном красном плаще, с неизменно старательно-вздыбленными волосами
вспомнишь, как я говорила в той передаче
«пока мне меня хватает на собственные традиции
на укладку причёски и приведение одежды в порядок

на поддержание образа, завязанного на социальную роль
я могу быть жива — и делать, что должно сделать»

ты выйдешь из поезда, неловко таща за собой рюкзак —
ветер средней осени взметнёт твои неизменно-пушистые кудри —
и скажешь: здравствуй
я посмотрю тебе в глаза — неизменно болотно-зелёные —
и соглашусь: здравствуй

ты будешь думать о том, что моя земля, как и прежде
несмотря ни на что, принимает тебя — любым
что и этот город — с его старинными башнями
с его алеющими и желтеющими лесами
ничего не имеет против тебя, никогда не имел
и даже та билетёрша в древнем ливском костюме
не собирается вступать с тобой в конфронтацию
за то, что ты не знаешь ни одного из её языков
и говоришь со мною на языке... врага?
с которого я по старой привычке перевожу синхронно
и — перевожу обратно рассказы о древнем оружии ливов

а я буду думать о том, что тогда, десять лет назад
я мечтала о том, как мы сядем в мерно урчащий дизель
и я положу тебе голову на плечо
и тихо усну. потому что — тебе доверяю
и что теперь... я бы этого не смогла

